

Таким образом, проведенное исследование показывает, что СВБ не сумел организовать эффективное взаимодействие со структурами ответственными за идеологическую работу с молодежью. ЦС СВБ неправоммерно пытался подчинить себе более весомые организации и заставить их выполнять свои уставные задачи. Союз молодежи не располагал ресурсом для проведения антирелигиозной работы среди всей молодежи. Принужденный к резкой атаке на церковь комсомол предпочел применение наиболее радикальных форм, негативно отразившихся на пропаганде атеизма. Выстраиваемая в системе образования модель антирелигиозной работы не ощущала потребности наличия специализированной структуры не располагающей соответствующий ресурсной базой.

Источники и литература

1. Российский государственный архив социально политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 60. Д. 793.
2. Устав Союза Воинствующих Безбожников – М.: 1931.– 13 с.
3. *Алексеев, В. А.* Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М. : Россия молодая, 1992. – 246 с.
4. РГАСПИ. – Ф. М-1. Оп. 3. Д. 24.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 5407. Оп. 1. Д. 39.
6. РГАСПИ. – Ф. М-1. Оп. 4. Д. 43.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4-п. Оп. 1 Д. 3508.
8. ГА РФ. – Ф. 5263. Оп. 2. Д. 7.
9. РГАСПИ. – Ф. М-1. Оп. 4. Д. 47.
10. РГАСПИ. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 140.
11. Ярославский, Е. Против религии и церкви / Е. Ярославский. – М. : ГАИЗ, 1935. – 344 с.
12. РГАСПИ. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 26.
13. НАРБ– Ф. 261. Оп. 1. Д. 6.
14. ГА РФ. – Ф. 5407. Оп. 1. Д. 104.
15. ГА РФ. – Ф. 5407. Оп. 1. Д. 96.

РУССКАЯ ШКОЛА В КОРОЛЕВСТВЕ СХС

М.С. Довгялло

Минск, Белорусский государственный университет

Поражение, понесенное антибольшевистскими силами в ходе братоубийственной гражданской войны, вынудило значительную часть населения России искать убежище от преследования советской власти в других странах мира. Российская эмиграция первой половины 1920-х гг. являлась уникальным историческим явлением, обусловленным особенностями развития государства в предшествующие годы. Основной поток русской эмиграции в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС, с 1929 г. – Королевство Югославия) начался весной 1919 г. и завершился к 1922 г. Являлась одной из самых крупных в мире российского зарубежья. Русские расселились по всей стране и образовали около 300 колоний, самые крупные из которых были в Белграде, Загребе и Нови-Саде [1, с. 46]. За пределами родины оказалось и большое количество детей школьного возраста, остро нуждавшихся в образовании на родном языке, а также адаптации и новым условиям. Сохранить национальное самосознание и культуру, приучить любить детей все русское, воспитать подрастающее поколение для будущей России, с та-

ким настроением, оказавшись на чужбине, преодолевая многие трудности, представители русской эмиграции приступили к созданию русской школы за границей. Общее количество беженцев насчитывало в 1921-1922 гг. около 33500 человек. В 1923-1924 гг. их число уменьшилось до 30000 [2, с. 11]. Состав эмигрантов был своеобразен: значительную (если не большую) его часть составляли военные кадры. В 1922 г. из общего числа русских эмигрантов до 62% лиц было со средним, а 13% с высшим образованием [3, с. 24].

В Королевстве СХС эмигранты из России находились в привилегированном положении. Россия до октября 1917 г. предоставляла сербам всю совокупность прав, вплоть до поступления на военную службу. Русские эмигранты в Сербии пользовались широкими правами. В отличие от западноевропейских стран свидетельства и дипломы об образовании, воинские звания, полученные в России до Февральской революции, а также научные степени считались имеющими законную силу. До конца 1920 г. они имели право свободного выбора места жительства (с лета 1920 г. – за исключением нескольких городов), свободы передвижения по стране, занятия предпринимательством (вплоть до валютных операций), занятия должностей в армии и государственном аппарате [4, с. 11]. Правительство Королевства СХС в январе 1920 г. сформировало Государственную (Державную) комиссию по приему и размещению русских беженцев (ГК), которая должна была координировать деятельность государственных учреждений и российских эмигрантских организаций [5, с. 116]. Комиссию возглавлял один из лидеров Сербской радикальной партии Л. Йованович. В составе ее правления входили 2 серба – академик А. Белич и С. Кукич, а также 3 русских – М. Челноков, С. Палеолог и директор Первой русско-сербской гимназии В. Плетнев. Первоочередной задачей была постановка русского школьного дела, дошкольного воспитания и среднего профессионального образования для молодежи в эмиграции. Комиссия являлась сербско-русским учреждением. Вопросы образования в ГК находились в ведении нескольких советов. В 1922 г. был создан Совет по делам русских студентов в высших учебных заведениях в Королевстве СХС. Затем он был преобразован в Учебный отдел и при нем в 1925 г. был создан Школьный совет. Учебный отдел и Школьный совет тесно сотрудничали с Министерством образования Королевства СХС. В то время в Королевстве СХС, согласно переписи населения 1921 г., было 50,5% неграмотных старше 12 лет [6, с. 144]. Правительство страны, исходя из объективных национально-государственных интересов, активно содействовало обустройству россиян.

Королевство СХС стала первой европейской страной, которая широко приняла к себе русских беженцев и пришла им материально и морально на помощь. При оказании материальной помощи русским эмигрантам особое внимание ГК уделяла детям и подросткам. В местах проживания эмигрантов создавались сиротские приюты, детские сады, школы. Решая вопросы школьного образования, органы просвещения старались разместить русские школы главным образом на территории, населенной православными жителями. В 1920 г. действовала русская зарубежная школа. Власти позволили создать свою автономную школьную систему в 20-х годах работало около 30 школ). В октябре была открыта Первая русско-сербская гимназия в Белграде на 160 учащихся [7, с. 84], учебный план которой предполагал освоение дисциплин русской классической гимназии и языка, литературы, истории и географии Королевства СХС. Более 120 русских и небольшая группа сербских преподавателей вели занятия. Под непосредственным руководством А. Белича открывались детские дома (почти 30% русских детей осталось без родителей), школы, научные и культурные учреждения. Всего в Королевстве СХС русские учебные заведения посещало 2916 человек,

из них 2157 проживало в интернатах при них [2, с. 12]. Начальное образование было обязательным для детей семилетнего возраста. Все образовательные русские средние учебные заведения имели 8 классов.

С осени 1922 г. начались практические шаги по сближению русских учебных заведений со школьной системой Королевства СХС. Вносились соответствующие изменения в учебный план: увеличилось число уроков по «сербским» предметам – языку, литературе, истории и географии, причем преподавание велось на сербском языке [3, с. 29]. В 1922-1923 гг. русским средним учебным заведениям (корпусам, институтам, гимназиям и части детских домов) были предоставлены права государственных гимназий. В 1923/1924 учебном году на территории Королевства СХС действовали 24 русских учебных заведения. К 1924 г. в стране насчитывалось 4025 детей школьного возраста [2, с. 11]. На протяжении 1921-1924 гг. правительство Королевства постоянно увеличивало долю расходов на школьные нужды, предоставляя на определенное время денежную помощь за счет казны. В 1921 г. из 5 500 000 общих ассигнований на помощь русским школам в месяц шло 500 тысяч, в 1922 г. – 1595 тысяч, в 1923 г. – 2504 тысячи, в 1924 г. – 2904 тысяч динаров в месяц [8, с. 301; 3, с. 25]. Директор или начальник учебного заведения полностью распоряжался средствами и отвечал за их использование по утвержденной ГК смете. Эта самостоятельность действий обеспечивала ему свободу в направлении школьной (особенно интернатской) жизни, ее регулировании, в осуществлении своих планов и идей. В 1924 г., когда количество эмигрантов из России достигло своей высшей точки, в Королевстве СХС проживало более 5 тыс. детей школьного и дошкольного возраста, в том числе лишившихся родителей в годы гражданской войны [9, с. 52]. Среди всех стран, где находились русские эмигранты, Королевство СХС занимало первое место, как по числу обучающихся и содержащихся за счет правительства детей, так и по размерам отпускаемых на это дело средств.

Благодаря регулярному учету русских эмигрантов, имелась наиболее полная и разработанная детская статистика. Из 5317 русских детей и подростков, проживавших в Королевстве СХС, из них 3005 мальчиков и 2312 девочки, а по возрасту – 1292 дошкольного возраста, а школьного (от 6 до 18 лет включительно) – 4025. Кроме этого, 28,7% от общего числа детей школьного возраста были круглыми сиротами. Представители данной возрастной группы составляли 8,4%. [10, с. 46–47; 11, с. 325]. 2916 человек обучались в русских школах, около 200 человек – сербских, около 1 тыс. детей и подростков в возрасте от 6 до 18 лет оставались вне школы. Однако число последних в течение 1921/22 – 1923/24 учебных годов сократилось с 58,1% до 22,6% [3, с. 46].

Русские школы действовали с одобрения местных министерств образования и под их контролем. В Королевстве СХС все русские школы, которым было разрешено сохранить свою старую организацию, традиции и программу, были, согласно решению Совета министров Королевства от 28 октября 1922 г., напрямую подчинены Министру народного просвещения (МНП) Королевства СХС. На основании этого решения Министерство просвещения уже в начале ноября 1922 г. сформировало при Отделении средних школ временный Сектор русских школ. В самом министерстве – Главный школьный совет по вопросам русских школ в Королевстве СХС, который отвечал за все реформы и все вопросы, касающиеся преподавания в русских начальных и средних школах. Правительство Сербии присвоило русским учебным учреждениям статус правительственных средних школ [12, с. 262–263] и предоставило им одинаковые права с сербскими школами и полную автономию русской школе, сохранив за собой высшее руководство учебно-воспитательным делом в лице МНП и финансово-хозяйственным в лице ГК.

Благодаря позитивным решениям правительства Королевства СХС русские школы могли действовать на основании дореволюционных планов и программ. Крупным единственным отличием по сравнению с дореволюционными планами было уменьшение количества учебных часов по естественным наукам, рисованию и французскому языку и увеличение учебных часов по латинскому языку и истории. Изменения в учебных планах допускались лишь в том случае, если менялся соответствующий закон в стране, как это случилось в Югославии в 1929 г. Наряду с изучением в школах естественных (арифметика, алгебра, геометрия, физика, химия) и гуманитарных (история общая и русская, география, русская литература) наук преподавался сербский язык, история и география Королевства СХС и др. предметы. В основу преподавания была положена русская школьная традиция, дополненная необходимыми требованиями эмигрантской жизни. Подавляющее большинство учителей обладало опытом преподавательской деятельности. Лишь 14,3% бывших учителей в эмиграции работали по специальности, 4,8% стали служащими, 9,5% – стали учащимися различных курсов [11, с. 342]. Педагоги оказались в наименее благоприятных условиях среди представителей интеллигентных профессий. Их материальное положение не было благополучным. Зарабатывали они в основном от 500 до 1100 динаров в месяц [13, с. 132].

Школьный план и программа для детей с первого по четвертый класс были достаточно простыми. Кроме обязательного сербского языка изучался Закон Божий, русский и французский языки, математика, рисование, пение и гимнастика. Помимо этого в план входили ручной труд и физическая работа во дворе школы, танцы, беседы, чтение и т.д. В гимназии принимали исключительно детей русских эмигрантов, прием в школу был неограничен, официальным языком преподавания был русский. В первый класс брали детей семи или восьми лет. В гимназию поступали в десять или одиннадцать лет, а заканчивали ее примерно в восемнадцать лет экзаменами на аттестат зрелости. Основная цель такой системы образования состояла в сохранении русского самосознания. Все усилия, предпринимавшиеся эмигрантами в области образования, были нацелены на сохранение у детей знания традиционной русской культуры и прививание навыков, которые позволили бы им сыграть созидательную роль в будущей освобожденной России [14, с. 66].

Существовали заведения трех ступеней: начальные, средние, высшие. Образцом средних школ оставалась старая русская гимназия, предпочтение отдавалось гуманитарным наукам, религиозному воспитанию, основанному на духовных и исторических аспектах православия. Восемилетний цикл обучения делился на два этапа. С пятого класса проводилось раздельное обучение на отделениях: классическом (с обязательным изучением латыни) и реальном [15, с. 23]. Экзамены на аттестат зрелости проходили в присутствии представителя королевского Министерства просвещения. Аттестаты, выдаваемые русскими школами, признавались властями Королевства СХС. Поэтому в учебные планы русских школ включались основные предметы соответствующих национальных школьных программ. Все закончившие русские средние учебные заведения могли поступать в высшие учебные заведения, включая, военные и духовные [9, с. 52]. Вместе с тем, не хватало средств на приобретение инвентаря, необходимого для оборудования кабинетов, на покупку книг и учебных пособий, ощущалась нехватка учебников и пособий на русском и сербском языках. Практически все учебные пособия дети делали сами.

Учебный год был разделен на три части, по три месяца каждый. Дети получали оценки по шестибальной системе (от 1 до 6 или от 4 до 10). Праздничными и свободными от занятий днями в Королевстве СХС были отмечены: Св. Савва (святой покровитель сербских школ, 27 января), Видовдан (день Косовской бит-

вы, 28 июня), Объединение Королевства СХС (1 декабря) и день рождения короля Александра (17 декабря). На государственном содержании были три русских кадетских корпуса (позже объединившиеся в один). Таким образом, за первые 10 лет работы русской школы (1920–1930 гг.) в ней прошли обучение и воспитание в русских традициях старой дореволюционной школы, приобрели необходимые знания, сформировали мировоззрение 22558 детей [16, с. 155]. Русским студентам выдавались стипендии [17, с. 32].

В заключении следует сказать, что оказавшись за пределами Родины, русская интеллигенция предприняла гигантские усилия по созданию условий для продолжения образования своих детей. Живя первое время иллюзией на скорое возвращение, стремясь сохранить и умножить русскую культуру, сохранить «русскость» детей, эмигранты, создавая учебные заведения по образу и подобию русских дореволюционных традиций, школ, стремились подготовить молодежь к будущему служению Родине. Тем самым, воспитывая в них самостоятельность, отвагу и энергию, необходимые для того, чтобы справиться с трудностями пребывания в эмиграции [14, с. 74]. В Королевстве СХС количество русских детей было наибольшим по сравнению с другими странами, и правительство отпускало наибольшие кредиты на начальное и среднее образование. Правительство сделало все, чтобы нашедшие приют русские дети сохранили свою национальную школу.

Источники и литература

1. Русская диаспора в Югославии: сб. ст. / редкол.: А. Арсеньев [и др.]. – М.: Индрик, 1996. – 350 с.
2. Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанные / сост. Л.И. Петрушева; под ред. С.Г. Блинова, М.Д. Филина. – М.: ТЕРРА, 1997. – 496 с.
3. Руднев, В.В. Зарубежная русская школа, 1920–1924 / В.В. Руднев. – Париж, 1924. – 278 с.
4. Козлитин, В.Д. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) / В.Д. Козлитин // Славяноведение. – 1992. – №4. – С. 7–19.
5. Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. – М.: ИВИ РАН; СПб.: Алетейя, 2005. – Вып. 2. – 328 с.
6. Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940 / М. Йованович. – М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2005. – 488 с.
7. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов / Е.И. Пивовар, Н.П. Герасимова, С.И. Глотик [и др.]. – М., 1994. – 117 с.
8. Ипполитов, С.С. Российская эмиграция в Европе: несостоявшийся альянс / С.С. Ипполитов. – М.: Изд-во Ипполитова, 2004. – 376 с.
9. Антропов, О.К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.) / О.К. Антропов. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008. – 326 с.
10. Ковалевский, П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970) / П.Е. Ковалевский. – Париж, 1971. – 347 с.
11. Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 458 с.
12. Бочарова, З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории / З.С. Бочарова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
13. Тесемников, В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) / В.А. Тесемников // Вопросы истории. – 1988. – №10. – С. 128–137.
14. Раев, М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / М. Раев. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 292 с.
15. Алексеева, Е.В. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов, словенцев (по документам Архива Югославии). – 1995. – №6. – С. 20–26.
16. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX – XX вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 330 с.
17. Назаров, М.В. Миссия русской эмиграции / М.В. Назаров. – М.: Родник, 1994. – Т. 1. – 416 с.